

Сэм МЕНДЕС:

Путешествие по «Проклятому пути»

Сьюзен ХОУАРД

С точки зрения режиссера

Сэмюэл Андре Мендес родился в английском городе Реддинг 1 августа 1965 года. Он был единственным сыном в семье; его отец — англичанин, родившийся в Тринидаде, мать имеет в родословной французские и польские корни. Родители развелись, когда Сэму было пять лет, и с тех пор он жил то в Лондоне, то в Оксфорде с матерью, которая работала в издательском бизнесе. После школы Сэм Мендес поступил в Питерхаус-колледж в Кембридже, где он быстро стал режиссером студенческого театра, а по окончании колледжа нашел работу в Королевском Шекспировском театре.

В 1992 году, когда Мендес решил возглавить театр Donmar Warehouse, многие считали, что это безумие: здание собиралось сноситься, поскольку спектакли проходили почти в пустых залах. За несколько лет Мендес смог сделать Donmar одним из популярнейших театров в мире. Среди самых знаменитых постановок Donmar — «Синяя комната» с Николь Кидман и новая версия «Кабаре», она после показа в Лондоне перекочевала на Бродвей.

В 1999 году на экраны вышел первый фильм Мендеса «Красота по-американски», завоевавший множество премий, в том числе «Оскар» за лучший фильм и режиссуру. После этого Мендес подписал контракт с DreamWorks (он в шутку называет это соглашение «золотыми наручниками») и отныне имеет право приоритетного ознакомления со всеми новыми сценариями, поступающими на студию.

Сейчас Мендес выпускает в театре две пьесы — «Дядю Ваню» и «Двенадцатую ночь». 30 ноября он собирается официально уйти с поста художественного руководителя театра Donmar и возглавить новую организацию Donmar Films.

Второй фильм Мендеса «Проклятый путь», поставленный по мотивам одноименного «графического романа» (читай — комикса) Макса Аллана Коллинса и Ричарда Пирса Райнера, исследует то,

что сам режиссер называет «последним мифологическим американским ландшафтом» — эпоху Великой Депрессии.

— У вас был страх не оправдать ожиданий, которые возлагались на вас после успеха «Красоты по-американски», когда вы приступали к «Проклятому пути»?

— Да. Думаю, чем дальше, тем будет хуже. Я стараюсь об этом не думать. В конце концов, я хочу и дальше снимать кино. Мне хочется попробовать себя в самых разных жанрах, хочется снимать масштабные и камерные фильмы, приглашать звезд и открывать новых актеров. Если не ставить перед собой трудных задач, работа быстро наскучит.

— Графический роман «Проклятый путь» полон жестокости. Более того, во введении один из авторов говорит, что вдохновлялся фильмами Джона Ву. Вы сняли сцены насилия гораздо более осторожно.

— К счастью, я сначала прочитал сценарий, а не роман. Думаю, для каждого режиссера образ фильма рождается в тот момент, когда он знакомится со сценарием. Он видит происходящее на фоне строчек, и это первое впечатление оказывается самым сильным. Поэтому, к тому времени, когда я взял в руки роман, который, кстати, мне очень понравился, у меня уже совершенно четко сложился в голове визуальный строй фильма, и он сильно отличался от образов романа. Думаю, эту историю действительно можно было бы трактовать в стиле Джона Ву — со всеми этими умопомрачительными перестрелками-балетами, когда насилие становится главным героем фильма. И можно снять фильм, где главным станет не само насилие, а его последствия, его воздействие на людские души.

— Почему вы решили пригласить на главную роль Тома Хэнкса?

— Во-первых, без звезды класса «А» такой дорогостоящий проект не запустить. Во-вторых, Тому было полезно сменить ампулу. Актер должен придти на съемки немного испуганным и взволнованным. Том прочитал этот сценарий раньше меня, и мне кажется, вначале он больше интересовался ролью, впоследствии сыгранной Джудом Лоу. Мне же было интересно снять его в роли Салливена, который держит в гараже кейс с оружием. Салливан провел четкую разграничитель-

ную линию между работой и жизнью, и когда эта черта исчезает, его мир рушится. Я позвонил Тому и сказал: «Как насчет роли Салливена?» Мы проговорили целый час, и я понял, что нам удалось настроиться на одну волну.

— Не менее удивительна трансформация Джуда Лоу, играющего наемного убийцу.

— Вначале я видел его персонаж более похожим на хорька. Он был человеком, растворяющимся в толпе, совершенно не похожим на тех хладнокровных виртуозных киллеров, к которым нас приучило кино. Я представлял его шаркающим, плохо одетым типом. Позже, когда мы с Джудом начали работать над ролью, пришлось заняться его личной гигиеной. Мы работали несколько месяцев до съемок, две недели репетировали. Мы даже обсуждали с художником фильма квартиру, в которой живет этот тип. Джуд много лет работал в театре, он привык собирать персонаж по кусочкам.

— А как вам удалось заманить в проект Пола Ньюмана? Долго пришлось его уговаривать?

— Я бы не назвал это уговорами. Я просто предложил ему роль. Он ответил: «Это интересно, приезжайте, поговорим». Я заявился к нему домой, и первое, что он сказал: «Господи, какой же ты молодой!» Потом мы поговорили по телефону — реплика за репликой. Собственно говоря, мы занимались этим несколько недель. В конце концов, он сказал: «Хорошо, я с вами». У меня сложилось впечатление, что он решил сниматься еще во время нашей первой встречи, но захотел немного меня помучить.

— Трудно ли было снять фильм о гангстерах, не воспевая их?

— Важнее всего было показать, что все они живут в ловушке, которую сами для себя построили. Они хотели бы жить иначе — но это невозможно. Самое важное — не воспевать насилие. Вы видите, в фильме очень мало крови.

— Вы не боитесь, что «Проклятый путь» обвинят в негативном изображении Америки?

— Наш фильм не об Америке, а о людях. Я думаю, после 11 сентября люди смогли более полно ощутить глубину зла персонажа Джуда Лоу. До сих пор нам трудно было поверить в абсолютное зло. Но это единственный персонаж, не имеющий никаких искупительных черт. В целом я категорически против деления персонажей на черных и белых.

— Раз уж речь зашла о черных и белых, не было ли у вас желания снять фильм черно-белым?

— Студия убила бы меня за такую подлянку! (Смех). Дело в том, что люди сегодня не ходят на черно-белые фильмы. «Человек, которого там не было» — великолепный фильм, но его посмотрели только ярые поклонники братьев Коэнов. Наверное, когда-нибудь я сниму черно-белый фильм. Мы снимали «Проклятый путь» в очень приглушенной цветовой гамме, но я с трудом представляю его совсем без цвета, потому что мне хотелось с помощью цвета разграничить два мира героя — домашний и профессиональный.

— Вы читали статью в The Hollywood Reporter, в которой вас упоминают в списке молодых режиссеров с независимым складом ума, работающих, однако, в студийной системе?

— Вы имеете в виду статью «Прирученная банда» (The Mild Bunch)? (Смех). Кто-то показывал ее мне, и название показалось мне очень забавным, но я думаю, что это относится не ко мне, а к таким режиссерам, как Стивен Содерберг и Александр Пейн.

— Стивен Содерберг приглашал вас в проект «F-64» — предприятие независимых режиссеров, намеревающихся продюсировать фильмы.

— Да, но пока все находится в стадии идеи. И вообще не очень понятно, выйдет ли проект из этой стадии.

— Что такое «F-64»?

— Насколько я понимаю, это значит, что диафрагма камеры максимально раскрыта. Наверное, Содерберг придумал. Сугубо киноманское название. Я с трудом понимаю их терминологию, потому что пришел из театра. Рядом с Содербергом или Дэвидом Финчером я чувствую себя профаном, мне кажется, что они говорят на языке суахили. Я восхищаюсь этими ребятами, потому что они точно знают, что можно поручить на съемочной площадке другим людям, а что обязательно нужно делать самому. У меня так не получается.

— Вы часто видите с этими людьми?

— Стивен приходил посмотреть мой фильм до премьеры и передал мне соображения по этому поводу. Я показывал фильм Спайку Джонцу. Я видел «Вид спереди на голого человека» на видео за месяц до премьеры. Во время моих визитов в Лос-Анджелес я больше всего ценю возможность пообщаться с Содербергом, Финчером,

Спайком Джонцем, Александром Пэйном, Кэмероном Кроу. Это все равно как алкоголик вдруг осознает: «Постойте, я не один, таких еще много». Режиссура — это работа для одиночек. Понять режиссера может только другой режиссер.

— Как вы относитесь к разговорам о смене режиссерских поколений?

— В 1999 году, когда вышла «Американская красавица», было много интересных кинооткрытий, и многие фильмы были сняты 30-летними режиссерами. Пол Томас Андерсон выпустил «Магнолию», Спайк Джонс — «Джона Малковича», Дэвид Расселл — «Трех королей», Алекс Пейн — «Выскачку», Найт Шьямалан — «Шестое чувство». Думаю, в последний раз только в начале 70-х было столько же новых интересных режиссеров. Все они вели борьбу с системой — но каждый по-своему. Система, существующая сегодня, многим обязана этому поколению. Dream-Works — студия, которой руководит один из этих парней. Сегодня совершенно иной киноландшафт.

— Известно, что через три дня после начала съемок «Красоты по-американски» вы уничтожили все, что успели снять, и начали сначала. Неужели получилось так плохо?

— Мне показалось, получается что-то не то. Люди почему-то считают: у нас на съемочной площадке произошло что-то ужасное, но они ошибаются. На самом деле это очень полезно — начинать все сначала. Я не могу сказать, что в первые дни получалось очень плохо — но мы начали снимать совсем не тот фильм, который я хотел снять.

— Говорили, что у вас были недопонимания с оператором Конрадом Холлом. Очевидно, вам удалось их разрешить, потому что на «Проклятом пути» вы снова работали с ним.

— Думаю, в первую неделю Конни считал, что я вообще не понимаю, что делаю. А потом мы притерлись друг к другу. Думаю, мы будем работать вместе и дальше. Жаль, что я не смогу приглашать его всегда! Конни — гений в области освещения. Я же в каждой сцене очень хорошо вижу, куда хочу поставить камеру. Конни говорил: «Я не понимаю, что ты делаешь!» Думаю, в первые дни у меня в голове крутилась одна мысль: «Я не верю, что снимаю настоящее кино!» Больше всего меня шокировало осознание того, что я должен всем объяснять, каким вижу свой фильм.

— Не боитесь, что к марту 2003 года академики забудут ваш фильм?

— Я снимал для зрителей, а не для академиков. Но в любом случае обещаю, что по крайней мере один человек в Академии проголосует за «Проклятый путь» — я сам.

«Проклятый путь» Сэма Мендеса вышел в российский прокат.

Экран и сцена —

№ 37 (655), октябрь 2002 года

— 912

Mendes (1937) 10.02